

УДК 316.422

ВОРОНКОВА Ольга Алексеевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; olga.voronkova1001@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОИСКА КОНСЕНСУСА В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В условиях социально-политического кризиса, принявшего в начале XXI в. характер обострения противоречий интересов, ценностей и норм, вопрос поиска возможностей для преодоления их несовместимости и достижения консенсуса становится первостепенным. Становление новой высокотехнологичной сетевой реальности формирует основания для развития глобальной коммуникации, взаимодействия на всех уровнях жизни, способствующих переходу на этап посткризисного восстановления на неорациональном уровне.

Ключевые слова: кризис, сетевая реальность, социальная справедливость, конвергенция, коэволюция

Кризисы в современной социетальной системе возникают через устойчиво развивающуюся несовместимость политико-административных императивов с социальными движениями, которые выходят из сферы контроля иерархически организованных бюрократических структур. В конце XX в. кризис принял форму кризиса доминирующей идеологии и характеризовался ее вытеснением из сферы символической презентации реальности формами социально-политического дискурса.

В новой сетевой реальности начала XXI в. социетальный кризис происходит уже в форме кризиса дискурсивной рациональности, который выражает невозможность примирения противоречий социальных и политических интересов, определения тех общих ценностей и норм поведения, которые могли бы быть не просто декларированными на официально-публичном уровне, но и интернализованными всем обществом в качестве основы социального поведения. В период кризиса политико-административными средствами невозможно поддерживать необходимый уровень легитимности политической власти и, как следствие, обеспечивать системную стабильность.

Кризисные явления в политике требуют поиска путей решения. В исторической ретроспективе самым эффективным путем оказывается не революционно-эмоциональный прорыв, а эволюционный поэтапный ход через экономическую и социокультурную системы, основанный на логике взаимобмена мотивациями, взаимодействием и обновлением принципов социетального развития.

Развитие цифросетевых технологий существенно изменяет ход эволюционных процессов. Биологическая эволюция человека как адаптация к природной окружающей среде в целях выживания уступает место социально-политической конвергентной эволюции как адаптации к новой сетевой среде, поддерживаемой технократическими средствами. Процесс эволюции конвертируется в коэволюцию человечества, т.е. связывается с качественными изменениями в образе жизни и способах мышления.

Разнообразие возможностей самореализации и деятельности, раскрытие сдерживающих рамок через перераспределение узловых точек формирования внешней и внутренней среды (с узлов концентрации власти к узлам, генерирующим энергетические стимулы экономического предпринимательства и социокультурного творчества) формирует новые точки опоры динамического

равновесия обновляемых систем. Взаимопроникновение и сближение способов интерпретации глобализирующейся реальности происходит через реконструкцию адаптационных стратегий. Но историческое развитие, как было замечено еще древними философами, представляет собой спиралевидную восходящую смену экономических, политических и культурно-символических циклов. Переход на новые эволюционные этапы происходит через периоды спадов и регрессий, сопровождаемых кризисами социальной идентичности, когда «консенсуальные основы нормативных структур настолько нарушаются, что общество становится аномичным» [Habermas 1992: 3].

Развитие взаимообмена в современной высокотехнологичной сетевой реальности способно скорректировать недостатки прежних экономических моделей, как плановоцентричной, так и стихийно-рыночной (преодоление кризисов недо- и перепроизводства через совершенствование механизмов учета потребностей населения в тех или иных товарах и логистических маршрутов их доставки в любую часть планеты, разумный контроль над распределением продукции и ее отходами в целях сохранения природной среды). Сетевая экономика при условии нивелирования политических барьеров на пути ее развития задает тенденцию выравнивания сред и материальных условий обитания населения различных географических сегментов. Повышение уровня жизни сглаживает противоречия материальных интересов.

Соответственно, глобальный социокультурный взаимообмен способствует, с одной стороны, привлечению внимания человечества к проблемам планетарного масштаба (истощение природных ресурсов, загрязнение природной среды, уничтожение лесов, перенаселение, усиление агрессивных, апатичных, суицидальных настроений и пр.), а с другой – перестройке и выравниванию мировоззренческих матриц сознания, быстрому распространению инновационных идей и взглядов, гуманизации отношений.

В политической сфере самым важным условием глобальной сетевой интериоризации (глубокое вовлечение в процессы сетевого взаимообмена) становится невозможность доминантно-идеологизированного пути развития, при котором какой-либо проект становится господствующим и продвигается условной «партией власти». В то же время современный кризис дискурсивной рациональности, сменивший кризис мировых идеологий XX в., обнаруживает проблемы достижения взаимопонимания на всех уровнях – как на социальном и политическом, так и в перекрестных зонах.

Поиски оснований выхода из социальных и политических тупиков ведут в направлении определения объединяющего общество интереса (*generalizable interest* – Хабермас). Однако различия в жизненном опыте социальных субъектов, разнонаправленность векторов человеческих судеб определяют различие интересов, ценностей и норм даже в монолитных системах, управляемых доминирующей идеологией, силовыми и политико-административными императивами. А в контексте социального кризиса, глубокого раскола условий жизни элит и масс, пока не преодоленного в условиях только начинающих складываться очертаний новой сетевой реальности, различие интересов приобретает характер несовместимости или даже несоизмеримости.

Социологическая категория интереса определяется как стимул, мотивация, ориентирующие социального субъекта на преодоление состояния удовлетворенности лишь необходимыми средствами обеспечения жизни как способа первичной адаптации к среде. Возникновение интереса напрямую связано с осознанием материальной и социальной ситуации и личностного места в ней. Осознание интереса есть первая ступень обретения идентичности. Оно совпа-

дает с моментом фокусированного рассмотрения собственных желаний – формированием интерес-идеи, цели, ведущей далее к рефлексивному проецированию инструментария для ее реализации в реально существующем контексте, а если условий нет, – к преодолению сдерживающих рамок и преобразованию среды. Реализация интерес-идеи происходит в столкновении с барьерами окружающих условий путем выбора из имеющихся средств, возможностей и механизмов тех, которые могут наиболее эффективно привести к намеченной цели.

Категория ценностей включает в себя социальные возможности реализации различных субъектных интересов. Ценность, по определению, это принцип взаимобмена, который получает общественное одобрение, и поэтому его сохранение представляется не просто приемлемым, но и значимым для общества. Ценности, таким образом, в отличие от первичных потребностей и осознанных интересов, имеют более устойчивую сущность. Они сохраняются в обществе при помощи различного символического инструментария, становясь объективированной частью культуры, которая передается последующим поколениям.

Категория нормы определяется как социально навязанный личностный императив, требующий от нее пожертвовать какой-то частью своих желаний и интересов во имя социального целого. Принятие нормы как фактора, ограничивающего личностное поведение, не есть вопрос индивидуального выбора. Нормы, по определению, противоречат собственно моменту реализации сугубо личностного, они требуют подчинения некоему символическому стандарту, идеалу поведения. Нормы служат механизмом сдерживания авантюрно-активного характера процесса реализации интересов. В отличие от ценности, норма – наиболее строгая и жесткая социологическая категория. Она более стабильна, чем любая другая социальная характеристика. Изменение социально-нормативной структуры предполагает процесс переадаптации изменившихся личностных интересов и ценностей и требует значительного промежутка времени.

Ко второму десятилетию XXI в. в российском социуме проявилась жесткая поляризация на глубинном ценностно-нормативном уровне.

Современное массовое сознание находится на стыке противоречивых эволюционных потоков – в состоянии критической неопределенности в условиях эклектического смешения инерционной тяги традиции, с одной стороны, и пробивающихся ростков осознания изменений, обусловленных технологическим цифросетевым прорывом, – с другой. В силу этой эклектики движений и пересечений бурлящих потоков во внешней среде массовое сознание оказывается в состоянии неспособности произведения взвешенного выбора.

Достижение социального консенсуса является главной и сложной задачей практического момента. В идеально-типических моделях (Хабермас, Луман) это может быть достигнуто только в условиях развития теоретического и практического дискурса, свободного от различных проявлений силы и давления на коммуникацию. Однако в хаотичной реальности начала XXI в. таких условий нет, и на личностном уровне нет возможностей выправления внешних условий (доведение их до состояния, сколько-нибудь близкого к идеально-типическому). Тем не менее классики теории коммуникации правы в том, что общественный кризис должен разрешаться самими субъектами системы.

В обществе, раздираемом противоречиями, велик соблазн призвания некоего «арбитра», способного силой власти погасить противоречия. Однако это эффективно лишь в краткосрочном измерении. В долгосрочной перспективе противоречия лишь накапливаются и при достижении допустимого предела вырываются наружу с уже гораздо большей силой. Как известно из истории, роль такого «арбитра» берет на себя захватившая власть политическая группировка, которая

в соответствии с логикой реализации власти и удержания собственных позиций стремится навязать обществу свое субъективное видение решения проблем. Так, в России начала XX в. большевизм навязывал идеологию коммунизма, в конце XX в. младореформаторы навязывали идеологию либерализма, а в начале XXI в. политики-консерваторы реставрировали доминирующую в социалистический период структурную иерархию в форме «вертикали власти». Но любая идеология и политическая линия, становясь доминирующей, переживала фазу окостенения и становилась рычагом подавления развития интегративных структур микро- и мезоуровней, которые играют решающую роль в эволюционном выправлении системных перекосов. Поступательное подавление политического дискурса и политических отношений стало фактором, лишь усиливающим кризис, обострив противоречия системного и социального уровней и приведшего к эффекту эмоционально-политического раскола общества. Однако политизация общества в кризисные исторические моменты отвлекает от задач поиска прагматичных способов решения проблем, обнаруживая несовместимость ценностных представлений о том, как должно быть устроено общество и каков должен быть вектор развития в посткризисный период.

Общий интерес — это осознание необходимых действий для улучшения условий повседневной жизни. Таким объединяющим разрозненное общество интересом, очевидно, является повышение общего уровня материального благополучия. Но если по определению этой интерес-идеи и цели вряд ли могут возникнуть возражения, то с определением средств достижения возникают нормативно-аксиологические вопросы, возвращающие к вечной теме социальной справедливости.

Понятие справедливости в разных типах обществ имеет разную этимологию и смысловое наполнение. В открытых обществах с развитым уровнем гражданской активности и субъектности термин *justice* принадлежит к группе терминов, связанных с категориями улаживания, урегулирования различных пониманий реальности (*adjustment*). Этот термин отражает философский принцип относительности истины и, как следствие, подразумевает многоэтапный поиск наиболее нормативно приемлемых для общественного целого принципов социальных и политических отношений.

В исторический период бурного экономического развития и конкурентной предпринимательской борьбы требование справедливости стало фактором вовлечения активной общественности в публичный коммуникативный процесс для выравнивания социальных перекосов — дистанции между бедными и богатыми, наделенными правами и бесправными. Борьба за справедливость требовала определения «работающих» правил экономического предпринимательства и товарного обмена и одновременно — становления условий социального участия в принятии политических решений.

В период технологического прорыва 60–70-х гг. XX в., выведшего западноевропейскую экономику на уровень изобилия и массового потребления, концепция справедливости вышла на более высокий гуманистический уровень, позволивший говорить о правах на социальное благополучие не только сильной и активной личности, но и наименее способных и успешных членов социума. Если первый принцип справедливости классика нормативной теории Дж. Ролза утверждал необходимость равенства прав и свобод, то второй принцип намеренно акцентировал гуманистический элемент в условиях социального контракта. При естественном неравенстве способностей и возможностей «общество благосостояния может предоставить наименее преуспевающим гражданам достойные компенсации» [Rawls 1971: 302]. И вынесенная на референдум

Швейцарии инициатива установления «безусловного базового дохода» для всех граждан страны вне зависимости от того, работают они или нет, подтверждает развитие наметившегося глобального тренда на гуманизацию общественных отношений¹. Несмотря на спорность и недостаточную проработанность деталей этой инициативы, она уже не кажется утопичной, т.к. возникла, во-первых, на высокой стадии экономического развития и, во-вторых, при прочно сформированных личностных установках на самореализацию, социальную активность и успех, которые стали социальным габитусом. И этот фактор ослабляет аргумент противников этой инициативы, опасующихся увеличения числа социальных иждивенцев при условии ее принятия. Перевод глобальной экономики на технологически более высокий цифросетевой уровень добавляет еще больше веса развитию тренда на гуманизацию отношений, т.к. объективно уменьшает необходимость в физической живой рабочей силе и позволяет перейти к перераспределению экономической прибыли в интересах самореализации и занятости в сферах культуры и свободного творчества.

В закрытых типах обществ с недостаточно развитым состоянием экономики решать проблемы социальной справедливости не просто трудно, а, как правило, невозможно при всех программных потугах нормативно-идеологического и политического характера. Идеи социалистической «уравниловки» в истории успеха не имели, не будучи подкрепленными успехами материально-экономическими. В «обществах выживания», к которым до сих пор относятся многие российские региональные кластеры, массовая идентичность до сих пор формируется в патриархально-государственнических терминах. А термин «справедливость» этимологически связывается с вертикально-иерархическим смыслом «правильности», который подразумевает целый комплекс взаимосвязанных представлений и практик бытия. Философский смысл «правильности» отсылает к традиционным корням понимания абсолютной истины, базирующимся на складывающихся веками национальных ценностях (патриархальный уклад общинных, семейных отношений, где слово патриарха, отца семейства или «отца народа» возведено до статуса неоспоримого закона). Соответственно, такое понимание распространяется далее на вертикально-стержневую «правильность» политического устройства и, как следствие, командно-административных принципов, основанных на мобилизационно-энтузиастических стимулах производства. Но парадокс в том, что выстраиваемые «по вертикали» мобилизационные стимулы и политические лозунги в отсутствие материальных мотиваций быстро выдыхаются, как показала историческая практика советского социализма. И это замыкает круг — низкая эффективность экономики не способствует переходу на более высокий уровень благосостояния, а низкий уровень материального обеспечения делает невозможным реализацию принципа социальной справедливости.

Системный кризис начинается, когда политические элиты под давлением массового недовольства результатами устаревших управленческих стратегий приходят к пониманию того, что неэффективная система должна быть улучшена, но этого уже нельзя сделать чисто силовыми средствами или на сугубо риторическом уровне. Все попытки создать новую системную концепцию только политическими средствами — новой идеологией — обречены на провал, они могут принести некий эклектичный синтез эмоций, убеждений и утверждений, не являясь при этом отражением реальных процессов материально-практической саморегуляции. Новая политическая идеология не может стать нормативным ориентиром без опоры на глубокую трансформацию массового сознания в сто-

¹ *Independent*. 2 Feb. 2016.

рону укрепления субъектности мышления в условиях диверсификации форм общественных отношений. Новая стратегия развития скорее должна предстать как результат поэтапного взаимобмена в сфере ценностных представлений и нормативных практик и их последующей рефлексивной концептуализации на теоретическом уровне.

Новая цифросетевая реальность утверждает генеральную тенденцию десакрализации власти, деиерархизации социальной структуры — социально-политических и экономических отношений. А это означает, что системные властные структуры вынуждаются активным обществом к изменению традиционной политической концепции — пересмотру не только средств легитимации власти, но и ее аксиологического наполнения: ослабления ценностей чиновничества, безусловной зависимости масс от властных решений. Однако такой аксиологический пересмотр логически вынуждает политическую элиту к сознательному отказу от командных позиций и, таким образом, к потере привилегий и материальных выгод обладания властью. Таким образом, ценностный конфликт на социальном уровне накладывается на конфликт интересов власти, который становится помехой для процесса глубинной трансформации.

Тем не менее в момент системного кризиса и неопределенности вектора развития социальная активность населения становится важным фактором изменений. Политические элиты оказываются серьезно зависимыми от массовой поддержки. Но осознание аксиологических противоречий на микро- и мезоуровне приходит гораздо позже, чем может показать первый этап политического противостояния защитников прежнего режима и представителей нового образа мышления. В этот момент инициаторы преобразований с большей вероятностью получают поддержку населения, которая исходит от эмоционального уровня отрицания недостатков прежнего режима.

Общее понимание реальных приобретений и потерь новой политической ориентации начинается в тот момент, когда заканчивается первая эмоциональная поддержка системных изменений и происходит переход в сферу определения практических интересов. В этом контексте социальные интересы могут быть определены как потенциальные или фактические направления социальной деятельности (в различных сферах жизни — экономической, политической, культурной), которые могут принести субъекту такой деятельности, индивиду или социальной группе, значимые эффекты самореализации. Резкое идеологическое изменение системы ценностей в 90-е гг. XX в., акцент на свободе как основной ценности привел к глубокому расколу слоев общества на тех, кто готов распорядиться свободой для реализации своих интересов, и тех, кто предпочитает быть управляемым и зависимым от власти. Процесс осознания интересов в измененном политическом направлении приводит к взвешиванию перспектив, реальных возможностей и условий самореализации. В то же время невозможно избежать вмешательства системно-ответственных структур в виде законодательных ограничений и налоговых регуляторов. Отсутствие эффективно действующего законодательства создает большие трудности для нормативного регулирования интересов.

Отношения социальных интересов в 90-е гг. XX в. обнаружили, что ценность абсолютной свободы принципиально не очевидна, как казалось с противоположной стороны полного отсутствия свободы. На новом витке эволюционных изменений сеть взаимодействующих интересов требует переопределения ценности свободы и доработки вопроса степеней свободы для примирения социального противоборства. Этот процесс начинается, когда общество готово признать, что удовлетворение их потребностей и интересов зависит как от свободы

(как условия их реализации), так и от обновленных проектов политики социальной поддержки. Социальные интересы должны реализоваться в рамках уже существующих, налаженных сетевых отношений. В посткризисных условиях, не обеспечивающих какой-либо устойчивой структуры социально-экономических отношений, процесс признания и кристаллизации интересов напрямую связан с процессом осмысления более фундаментальных вопросов того, каким именно должен быть новый общественный строй, чтобы иметь возможность поддерживать удовлетворение интересов разных слоев населения.

Этот вопрос возвращает актуальность теме конвергентного развития, поднимаемой еще в период «холодной войны» [Сахаров 1968; Sorokin 1960] и на рубеже 80–90-х гг. XX в., но подавленной эмоционально-энтузиастическим порывом «транзита» – поверхностной системно-идеологической реориентации.

Конвергентный путь развития – коэволюция – это процесс динамического уравнивания систем, возможного только в условиях их открытости внешним процессам. Как справедливо указывают аналитики, социальная система имеет длительную перспективу развития, только если она способна оперативно и адекватно реагировать как на внутренние детерминанты, так и внешнюю информацию через механизмы адаптации, трансформации, модернизации [Лойко 2018: 44].

Коэволюция заключается в становлении институтов социальной регуляции экономических и политических процессов. Развитость таких институтов обеспечивает возможность взаимного дополнения норм и правил, одна часть которых отражает индивидуальные и групповые ценности самореализации, а другая часть – массовые ценности государственной поддержки. Противоречия между этими двумя принципиально разными типами ценностей преодолеваются путем экономической кооперации, постепенного сближения социокультурных сред и реформирования политического устройства в сторону усиления социального влияния на процесс принятия политических решений. Новые ценности и нормы могут приобрести качество убедительности через социальное осознание их полезности в частной жизни, эффективную административно-рациональную организацию повседневного исполнения (на уровне госуслуг) и только после их закрепления на уровне социального габитуса.

Становление институциональных механизмов, поддерживающих частную и общественную инициативу, в полной мере согласуется с характером сетеобразующих перемен, запускающих глобальные взаимодействия: в экономике – это замена интенсивного потребления сырьевых ресурсов на высокотехнологичные экологически чистые способы производства и логистики, в политике – тренд деиерархизации социально-политических отношений, требующий изменения моделей поведения политических элит, которые вынуждены адаптироваться к обновляемому балансу ценностей и норм.

Соответственно, экономические преобразования на основе высоких технологий позволяют в не столь отдаленной перспективе обеспечить более высокий уровень материального благосостояния общества и совершенствовать механизмы распределения и поддержки наименее преуспевающих членов социума. Одновременные фундаментальные сдвиги в общественном сознании в условиях ускоренного расширения социальных сетей, образовательных (самообразовательных) возможностей через Интернет ведут в направлении изменения глобальных ценностей с сугубо потребительских или, напротив, аскетичных к ценностям новой рациональности: сбалансированности способов производства и потребления, открытой коммуникации, гуманизму, экологическому очищению планеты, отказу от войн как средства разрешения конфликтов и пр. Достижение

этих ценностей в новой сетевой реальности уже не является неразрешимым проектом. Напротив, наметившиеся глобальные тренды сетевизации вселяют надежды на завершение кризисного этапа эволюционного разрыва и перехода на посткризисное восстановление на неорациональном уровне.

Список литературы

Лойко А.И. 2018. Конвергентная эволюция и динамическое равновесие природных и социальных систем: междисциплинарный подход. — *Синергия*. № 1. С. 40-49.

Сахаров А.Д. 1968. *Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе*. Франкфурт-на-Майне: Посев. 63 с.

Habermas J. 1992. *Legitimation Crisis*. Polity Press. 166 p.

Rawls J. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press. 607 p.

Sorokin P.A. 1960. Mutual Convergence of the United States and the U.S.S.R. to the Mixed Sociocultural Type. — *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143-176.

VORONKOVA Olga Alekseevna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher at the Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; olga.voronkova1001@mail.ru)

SOCIAL AND NETWORKING GROUNDS FOR SEEKING CONSENSUS IN THE POST-CRISIS PERIOD

Abstract. In the context of the socio-political crisis, which at the beginning of the 21st century takes the character of exacerbating contradictions of interests, values and norms, the question of finding opportunities to overcome their incompatibility and reach consensus becomes paramount. The formation of a new high-tech network reality forms the basis for the development of global communication, interactions at all levels of life, contributing to the transition to the stage of post-crisis recovery at the neo-rational level.

Keywords: crisis, network reality, social justice, convergence, co-evolution